

Се Муцин, не видя иного выхода, был вынужден спросить Линь:

— Госпожа Линь, знаете ли вы, имеет ли османтусовое дерево на юго-востоке какое-то особое значение для вашего отца?

— Юго-восток... османтус? — Линь пробормотала это, и вскоре ее глаза покраснели. — Это же могилы моей матери, бабушки и бабушки!

Сердце Се Муцина екнуло. Неужели ему придется разрывать чужие могилы? Это было бы слишком неэтично!

— Вещь, которую Ваше Высочество ищет, возможно, находится в родовом храме. Там тоже растет османтус, но он давно засох... — Линь не успела договорить, как снова разрыдалась, всхлипывая. Вероятно, череда утрат и тяжелые удары судьбы окончательно сломили ее.

Се Муцин некоторое время утешал ее, но, не получив никакого отклика, лишь беспомощно потер нос и отправил людей по тому месту, которое указала Линь, надеясь на какой-нибудь результат.

Се Муцин чувствовал легкое беспокойство из-за того, что посланные люди еще не вернулись, но куда больше его тревожил Чжао Хуайцзинь. История о молодом господине, который без сна и отдыха мчится в погоню за своим господином, была трогательной, но самому господину от этого было совсем не легко. Се Муцин с горечью сжал худощавое запястье Чжао Хуайцзиня. Посмотрите только: те крохи плоти, что с таким трудом удалось нагулять, исчезли, он так похудел! Когда вернемся во дворец, нужно будет обязательно его подкормить. Се Муцин принял решение и тут же набросал в уме несколько планов по набору веса.

Но как бы сильно он ни желал пробуждения Чжао Хуайцзиня, тот пребывал в беспамятстве, отказываясь открывать свои сияющие глаза.

— А-Ю, скорее просыпайся, я правда очень хочу тебя увидеть, — Се Муцин запечатлел поцелуй на уголке губ Чжао Хуайцзиня, а затем, уткнувшись ему в шею, зашептал слова, вдыхая знакомый и одновременно чужой аромат цветов, орхидей и лотосов, принесенный с гор. Так, приняв позу беззащитной птички, он прильнул к Чжао Хуайцзиню, впитывая его запах, и постепенно погрузился в сон.

Седьмой Теневой, который находился рядом в роли безмолвного украшения, имел несчастье заметить этот момент пробуждения чувств у своего принца. На мгновение он замер, широко раскрыв глаза. В Цзяхэ отношения между мужчинами не считались чем-то из ряда вон выходящим, но чтобы кто-то из императорской семьи вел себя так открыто — это был первый случай. К тому же его господин заснул в весьма странной позе, что заставило Теневого стража поразиться: а принц-то умеет подстраиваться под обстоятельства!

— А-Ци, А-Ци! — Шестой Теневой в спешке вбежал внутрь, но, поймав безмолвный, полный предупреждения взгляд Седьмого, покорно опустил голову. Седьмой лишь приложил руку ко лбу: почему Шестой, хоть и был старше него, ведет себя как ребенок? Он лишь указал губами на то, что принц спит. Шестой взглянул на кровать и едва не вскрикнул от изумления. Что это вообще такое? Когда это его господин стал проводить время с молодым господином Чжао? И почему он, личный Теневой страж, ничего об этом не знал... В душе Шестого бушевало море негодования.

— Заткнись, не ори по любому поводу. Когда выбирали людей, почему Старший выбрал именно тебя! — Седьмой зажал ему рот и раздраженно взглянул на него, не понимая, в чем логика. Из

шестнадцати Теневых стражей Линь Юня, кажется, только Шестой был таким шумным и склонным к преувеличенным реакциям. Непонятно, почему Первый Теневой выбрал его тогда — неужели просто в порыве безумия?

Услышав это, Шестой самодовольно улыбнулся:

— У Старшего, конечно, была причина выбрать меня. Именно потому, что я разговорчив! Среди шестнадцати человек кто-то же должен внедряться в народ для сбора информации. Вы все — как немые сосуды, как вы собираетесь общаться с простыми людьми? — Его вызывающий тон заставил Седьмого почувствовать зуд в руках. «Ну что за несносный человек», — молча подумал Седьмой, потирая запястье.

День быстро прошел. Солнце клонилось к закату, когда Се Муцин пробудился. Увидев, что глаза Чжао Хуайцинзя по-прежнему плотно закрыты, он почувствовал, как надежда в его сердце мгновенно угасла, сменившись горечью. «А-Ю, как же долго ты собираешься спать?»

— Господин, человек вернулся. Он говорит, что в деревне действительно есть родовой храм семьи Линь и османтусовое дерево, но внутри дерева ничего нет, — почтительно доложил Седьмой Теневой.

Се Муцин нахмурился, раздумывая:

— Вещь точно там. Завтра отправишься со мной. Передай Шестому, чтобы он хорошенько присматривал за молодым господином Чжао. Если с ним что-то случится... — В этот миг в глазах Се Муцина промелькнула такая жажда убийства, что Седьмой невольно содрогнулся.

Получив задание, Шестой хоть и был крайне недоволен, но ничего не мог поделать. Ему оставалось лишь молча забиться в угол и рисовать круги на земле, чтобы выплеснуть свое разочарование. Почему он должен оставаться? Он тоже хотел отправиться с принцем на поиски...

Несмотря на все свое недовольство, на следующее утро Се Муцин и Седьмой Теневой отправились в путь вовремя. Шестой стоял у ворот Дома принцессы, словно молодая жена, прикусывающая платок, провожая их взглядом, пока они не скрылись из виду.

Прежде чем солнце зашло за горизонт, Се Муцин добрался до деревни Линьпин — маленького поселения у подножия горы Гуйюань. В это время обычно над домами должен был виться дым от очагов, но в деревне царил мертвая тишина, будто она была заброшена уже очень давно.

Се Муцин велел Седьмому разузнать обстановку, а сам верхом помчался к цели — к тому странному маленькому храму, родовому храму семьи Линь.

Странно, но в деревне Линьпин было два храма: один маленький, где почитали родителей Линь Юня и его покойную жену, и другой большой — родовое святилище клана Линь, где стояли таблички предков всей деревни.

Се Муцин осторожно вошел внутрь. Ситуация была неясной, так что осторожность не была лишней. Переступив порог, он сразу увидел то самое османтусовое дерево, о котором говорил Линь Юнь — старое, засохшее и гнилое дерево. Обернувшись, он увидел погребальные таблички родителей и покойной жены Линь Юня, а также висящий рядом портрет его отца. Старик на портрете выглядел добродушным, его улыбка казалась мягкой, но от него постоянно исходило странное ощущение. Се Муцин присмотрелся и, наконец, понял, в чем дело:

Куда бы он ни переводил взгляд, глаза на портрете, казалось, оживали и неотрывно следили за ним.

От этого открытия по его спине пробежал холодный пот. Что за чертовщина!

Пока он заворуженно смотрел на портрет, в храм внезапно вбежал запыхавшийся Седьмой Теневой:

— Господин, здесь вырезали всю деревню! Похоже, это ловушка.

— Вырезали деревню?! — Се Муцин широко раскрыл глаза. Кто мог быть настолько жестоким, чтобы убить этих безоружных крестьян? — Кто это сделал? — Его собственный голос прозвучал сухо и хрипло в безмолвии деревни.

— Это... Седьмой не знает, но нападавшие были мастерами, каждый удар мечом был смертельным, — Седьмой Теневой вспомнил тела жителей, лежащих на полу своих домов с пронзенными сердцами и застывшими в предсмертной агонии глазами, и нахмурился.

Будучи Теневым стражем, он видел и более жестокие расправы, но те были заслуженной карой для виновных. Подобную же резню в мирной деревне он видел впервые.

— Я пойду поищу вещи, а ты оповести местных чиновников. Это просто бесчинство! Деревню вырезали под корень, а их правитель даже не слышал ни звука! — Се Муцин был в ярости. Он всегда считал, что в Цзяхэ простые и честные люди, и каждый раз, выезжая из дворца в столицу, видел лишь гармонию и радость. Кто же знал, что за тысячи ли отсюда столько бедных людей подвергаются столь бесчеловечным мучениям.

— Но... — Седьмой замялся. Рядом с принцем был только он один. Если он уйдет, что, если вчерашние убийцы появятся снова? Старший ведь предупреждал: если с наследным принцем что-то случится, нужно явиться с отрубленной головой.

Видя его колебания, Се Муцин понял, о чем тот думает:

— Не беспокойся. Я все же обучался боевым искусствам несколько лет. Пусть я не так силен, как вы, Теневые стражи, но защитить себя смогу. — С этими словами он первым вошел вглубь храма. Седьмой, стиснув зубы, решил подчиниться: в крайнем случае, сбегает быстро и вернется, а того уездного чиновника просто привяжет и притащит сюда. Он вскочил на коня и умчался прочь, не подозревая, что с его уходом Се Муцин окажется в смертельной опасности.

Се Муцин прошел вглубь храма, где за основным залом находился маленький дворик. В самом центре располагались три могилы — родителей и жены Линь Юня. Се Муцина крайне удивило устройство этого места: о чем только думал Линь Юнь, когда проектировал родовой храм? Зачем обносить эти три могилы стеной? Рядом находилось несколько комнат. Се Муцин наугад толкнул одну из дверей и вошел. Дверь со скрипом поддалась, и с дверной балки посыпалась густая пыль, почти ослепив его.